

Андрей Антипин

Андрей Александрович Антипин – прозаик, член Союза писателей России. Родился 19 августа 1984 года в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Автор четырёх книг прозы – «Капли марта», «Житейная история», «Русские песни», «Живые листья». Лауреат премии имени Леонида Леонова для молодых авторов журнала «Наши современник» (2010) и ежегодной премии журнала «Наши современник» за лучшую публикацию 2013 года, Международной литературной премии имени Ивана Гончарова в номинации «Ученик мастера» (2015) и Всероссийской премии «Молодой Дельвиг» (2015), Всероссийской литературной премии имени Виктора Астафьева (2020). Живёт в посёлке Казарки Иркутской области.

ИЗ КНИГИ «ЖИВЫЕ ЛИСТЬЯ»

«Когда не стало Родины моей»

Пошёл в первый класс – как раз упразднили правило, и родину стали писать с маленькой буквы. Да и Родины – той, с большой буквы – не стало.

Осталась только в «Букваре» и прописных тетрадях. А вскоре её и оттуда – взашей...

И всё-таки мы успели поучиться по этим букварям! Всё же первые свои слова выводили по старым прописным, в которых есть красная строка и есть Родина – и она с большой буквы.

Писатели

Великие – как деревья во бору: в бурю шумят, скрипят, качаются, соприкасаясь вершинами, часто – бодая друг друга, да так, что сучья летят... Но никогда не сплетаются и не захлестываются!

А заурядные – как трава в лугу: ветер дунул – и полегли, и сплелись-спутались, и, поди, угадай, кто где по отдельности.

Корни

В бурю упало дерево – наутро возле слома рыхлый иней:
корни ещё дышат.

Умер поэт – на сороковины несколько сотен просмотров в Сети:
стихи ещё дышат.

Разлетелись, как птицы в небе, – на Новый год СМСка:
любовь ещё дышит.

Боль негасимая

Вышел в первых рассветных сумерках – сработала сигнализация, словно юлюлюкнула ночная птица. Это сосед тоже вышел за ограду, пнул колесо, проверяя давление, взял из машины сигареты, покурил и ушёл, оббив на крыльце снег с башмаков. И снова тихо. Слышно, как над ельником летит ворон, с юключным свистом взмахивая крыльями. Шелестит на ветру плёночка от сигаретной пачки, и оттого ли, что грядёт минута расставания, цвет небес глуше, а боль – негасимей...

– Снег навалил, – придя домой, сказал, наверное, сосед и обвёл жену холодными руками. И та вздрогнула во сне, как молодая.

...От ветра мягко и легко в посёлке. Макушки тополей – в снегу, а нижние ветки – в бисере сверкающих капель. На

белом свежем фоне черны, как никогда, эти старые избы, бани, поленицы, ворота, дымящийся навоз в проулке. И по вечерам долго не загораются уличные фонари, а по утрам долго не гаснут.

Гидроэлектростанция

Ехали однажды по Иркутской области с писателем из Тюмени. И того всё время интересовало, в каком направлении Ангара и откуда, от какой гидроэлектростанции тянутся эти провода. Проезжали небольшую деревню, одну из тех, что при Советах худо-бедно, но жили-были, а нынче на ладан дышат. А на брёвнах у тракта, накрыв нехитрую полянку, гомозились подвыпившие мужики, курили и орали во всю матушку. И писатель, сидя за рулём, снова спросил, где теперь Ангара и от какой по счёту ГЭС ангарского каскада запитана эта деревня. А я, глядя на этот праздник жизни, на пир во время чумы более похожий, вернулся к неизменно волновавшей меня мысли: а что, интересно, в XXI веке поют деревенские мужики?

А ничего не поют, как будто лом проглотили. Лишь мат-перемат да дым коромыслом. Иногда, впрочем, кто-нибудь скажет припевку, слышанную от отца или матери, да и то – со стеснением, посмеиваясь над самим собой, над припевкой этой. Да не скажет даже, тем более не пропоёт, а вынет из души, как носовой платок из кармана, и бросит, скомкав, оборвав на полуслове. И тогда поймёшь, откуда оно – твоё отчаяние и ощущение ненужности себя в этой жизни, лишь по временам сменяемое радостью от неё. Отсюда, от этих самых русских людей, что больше всех дали, но и больнее ударили, когда перестали слагать и петь свои песни. И причём тут Ангара, провода, гидроэлектростанции? Народ перестал

петь, вот что. Проводами опутаны со всех сторон, а запитаться не от кого. Только язык и остался – последняя запитка.

Крылья

Непогода весь день, холод, ветер, и то едва дребезжит, когда ветер тише, то иступлённо стрижёт воздух винт деревянного самолёта, вытесанного мною после того, как забрался на крышу и увидел, что прежний разохся и стал крошиться. Тот, первый, я установил в год окончания школы, новому от него достались лишь алюминиевые крылья, и есть в этом что-то символическое, как будто крылья достались мне, теперешнему, от семнадцатилетнего меня. Но не только дерево взялось трещинами и со временем пришло в негодность, не только я постарел! Даже винт из нержавеющей стали перетёрся и валялся на полпути к водостоку, должно быть, смытый туда дождями или оползший с весенним снегом. Пришлось вырезать и выгнуть другой, просверлить в центре и навесить с носовой части. Я выточил её заострённо, сообразно со строением птицы, то есть, как и задумывалось авиаконструкторами. И когда, наконец, мой самолёт был готов, отполирован шлифовальной шкуркой и в завершении опылён серебрянкой из баллончика с весёлой горошинкой внутри, я снова влез на крышу, как взбираются на неё, чтобы водрузить знамя или флаг, и закрепил своё детище, повернув на запад винтом, хвостом на восток. Винт сразу дёрнулся, как если бы в нём проклюнулась электрическая искра, а через миг раскрутился до прозрачного кружочка и с подвывом загудел. Был вечер, меркло солнце, облака на закате светились, как неоновые. Я сидел на коньке, курил сигарету, слушал натужный рёв самолёта и, может быть, в этот момент возвращался, словно на спине фантастической птицы. Ну а если и не возвращал-

ся, всё равно по-своему это было хорошо – ветер, самолёт! Пусть и дальше гудит в тревожные минуты жизни, напоминающая о днях её, которые, как известно, скоротечны и вот уже действительно невозвратимы, если не считать этого снова объявившегося в моей судьбе самолёта. А там, глядишь, ещё что-нибудь вернётся ко мне – чистое, юношеское, просящее лишь крыльев и неба.

Любовь

Кучум подбежал, обнюхал Дымкину голову. И вдруг нежно, всем языком лизнул в коричневый нос. И все засмеялись: «Любо-о-овь!» А Кучум просто слизнул крупинку пшённой каши, оставшуюся у Дымки на носу после утреннего кормления.

Я умилился, наблюдая за этой сценой. Но и вздохнул: нет в любви бескорыстия, всё время что-то нужно любящему за его любовь. Ведь только для красного словца брошено: «Мне всё равно: ты любишь или нет!» А на поверку-то не едино, и это легче всего доказать, условившись, что не было на носу у Дымки никакой каши, или припомнив, как часто мы сами любим и ничего не просим взамен, даже малого ответного участия.

Папка возил

Вспомнились «Печки-лавочки», слова Ивана:

– Пойдут дети в школу, станут проходить море, а они уж там были! Скажут: нас папка маленькими возил...

И ещё – его рассказ о поездке с отцом в Берёзовку...

А я вот тоже запомнил из раннего детства: пошли с отцом на берег весенней Лены, стали кидать камни в звенящий, осыпающийся стеклянными иглами лёд, который сломало

и понесло. Вернулись домой – я первым делом расхлестнул стекло в сарайчике (вообразив, что это тоже – лёд). Отец взял шнур от сгоревшего кипятильника, проложил границу между поэзией и прозой. Так что и теперь, сидя по многу часов за столом, я всегда помню, где эта граница.

Остановиться и успеть

Звякают дужки вёдер, поставленных на лавку, сокращающимися кольцами сходится в центре ведра раскаченная вода. Тявкают, набираемые в охапку, поленья, лопаются под топором липучая лучина. Красной бабочкой оживает в печи огонь, сев на лоскуток берёсты, складывает-раскладывает крылья. И вот уже летит золисто-белым дымом в небо, где по-весеннему курлычут вороны, яркие, как чернильные брызги. Минута, другая, третья. А там и ранний вечер, в синих сумерках – почта, школа, сквозной осинник за котельной. В трубе реактивно гудит, баня нагревается, можно идти собирать бельё и наводить брусничный морс. Но всё сидишь на корточках возле печки, плюёшь на горячее железо и следишь, как молочной пенкой вскипает и высыхает слюна. И думаешь об одном: как мало человеку надо! Худо ли, бедно ли проходят годы, но хочется ещё пожить, вообще как-нибудь, словом или делом, духом или телом, но поприусуществовать в этом мире. Ведь в нём так хорошо вставать с рассветом, выходить на крыльцо, клацнув дверной защёлкой, стоять на ветру или носить из пузатой ванны ночной дождь, а по субботам колоть дрова, топить баню – и радоваться этому маленькому счастью. Надо бы только уметь забыть себя, стать внимательным, добрым, чутким, не лезть без дела на рожон, любить и прощать, а уходя навсегда, однажды оглянуться, посмотреть на оставляемые деревья, избы, лица и успеть понять простые вещи.

Шишки

День в конце апреля: синий, солнечный, плюс десять в тени. Сухой ровный жар в сосновом лесу – от веток, от стволов, от хвойной подстилки с её плотным смолистым запахом. В нём едва уловимо едкое вкрапление тлена: это источает углекислый газ белёсая от гнили ветровальная осина. Жар не знойный летний, но выставший – как ранней осенью или в бане поутру. Точнее, не настоявшийся. Не набравший необходимой крепости, духана, полымя от солнца. Оно катится над лесом циркулярным диском, щерясь зубчиками лучей. Хвоя сосен то ярко-зелёная, то золотистая – смотря по тому, где теперь солнце.

И всюду вкрадчивый шум, будто на каждом дереве сидит белка и лущит семечки! Именно семечки, от вскалывания орехов звук резче и громче. Это поспевают сосновые шишки и, раскрываясь с типичным шелушащимся выдохом, мечут семена – тончайшие светло-жёлтые плёночки. Они кружат в воздухе – мельчайшие, многие. Невесомые, как посёкшаяся ресница. И земля благодатно принимает их в потаённые лона.

«Льётся шёпот», – сказал бы, по всей видимости, Пришвин. А подует ветер – слышно, как царапаются на редких осинах жухлые осенние листья. В сентябре их обдало морозом и снегом, и они до сей поры не облетели, колеблются, как рыбацкие блёсенки. И два этих звука – шёпот семян и колебанье листьев – наслаиваются, не смешиваясь, как смешиваются холодная и горячая вода в кране, а дьясь парно, двумя спетыми голосами, идут рука об руку, точно жизнь и смерть. И от этого нечаянного сравнения не грустно. Наверное, потому, что семян всё же льётся больше, чем висит мёртвых листьев на осинах, и этот шёпот, уходя, не уходит совсем, но затаивается, прорастая клейкой чешуйкой в земле или вот этой миниатюрой на странице моего блокнота.